

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-6

Исследовательская статья

Богатова О. А.

**Православное социальное служение в регионе
в турбулентный период**

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва,
улица Большевикская, дом 68/1, Саранск, 430005, Россия
bogatovaoa@gmail.com

Аннотация. *Актуальность* исследования заключается в характеристике адаптации и развития православного социального служения в условиях внешних вызовов на примере Саранской епархии Мордовской митрополии. *Научная проблема.* Автор анализирует проблему эволюции структуры, социальных практик и последствий их реализации для регионального социума и акторов православной социальной помощи. *Методы.* В статье сравниваются результаты двух качественных социологических исследований православного социального служения в Республике Мордовия – экспертных опросов, реализованных методом глубинного интервью в 2019 г. (n=16) и 2026 г. (n=10) с активистами общественных организаций, сотрудниками государственных учреждений и благотворительных НКО. *Научные результаты.* Сформировавшаяся во втором десятилетии XXI в. Региональная сеть православных благотворительных НКО и групп добровольцев доказала свою жизнеспособность, столкнувшись с угрозами социальной нестабильности. Православные социальные акторы продолжили сотрудничество с государственными социальными учреждениями, закрепили ее институциональные условия в форме договоров, увеличили количество своих приверженцев и объемы благотворительной помощи, расширили число направлений деятельности. Социальные последствия православного социального служения включают формирование сообществ желающих помогать из числа бывших подопечных и распространение просоциальных ценностей. *Выводы.* Показано, что масштабы социальной помощи, необходимой для решения или смягчения остроты наиболее актуальных социальных проблем населения региона, выходят за пределы возможностей благотворительных организаций, требуя объединения усилий государства, межрегиональных благотворительных организаций, местных социально ориентированных православных организаций и добровольцев. Последние рассматривают себя в качестве партнеров государства в реализации его социальной политики, но констатируют невозможность самостоятельного привлечения ресурсов, сопоставимых с теми, которые могут быть задействованы в результате такого партнерства.

Ключевые слова: социальная деятельность религиозных организаций; православные некоммерческие организации; социальные технологии; социальное служение; православное волонтерство; социальные изменения; нестабильность

Информация для цитирования: Богатова О. А. Православное социальное служение в регионе в турбулентный период // Научный результат. Социология и управление. 2026. Т. 12, № 3. С. 257-272. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-6.

Research article

Olga A. Bogatova

Orthodox social service in the region in turbulent times

Ogarev National Research Mordovia State University,
68/1 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia
bogatovaoa@gmail.com

Abstract. *The significance* of this study lies in its examination of the adaptation and development of Orthodox social ministry in the face of external challenges, as illustrated by the example of the Saransk Diocese of the Mordovia Metropolis. *Scientific problem.* The author analyses the evolution of structures and social practices, as well as the consequences of their implementation for regional societies and Orthodox social assistance actors. *Methods.* The article compares the results of two qualitative sociological studies of Orthodox social service in the Republic of Mordovia – expert surveys conducted by in-depth interviews in 2019 (n=16) and 2026 (n=10) with activists of public organizations, employees of government agencies and charitable NGOs. *Research results.* The author states that the regional network of Orthodox charitable NGOs and volunteer groups, which was formed in the second decade of the 21st century, proved its viability when faced with threats of social insecurity. Orthodox social actors continued to cooperate with state social institutions, consolidated its institutional conditions in the form of contracts, increased the number of their adherents and the volume of charitable assistance, and expanded the number of areas of activity. The social consequences of Orthodox social service include the formation of communities willing to help from among former wards and the dissemination of prosocial values. *Conclusions.* The author demonstrates that the scale of social assistance needed to solve or mitigate the most pressing social problems of the region's population goes beyond the capabilities of charitable organizations, requiring the combined efforts of the state, interregional charitable organizations, local socially oriented Orthodox organizations and volunteers. The latter consider themselves as partners of the state in the implementation of its social policy, but state the impossibility of independently attracting resources comparable to those that can be used as a result of such a partnership.

Keywords: social activities of religious organizations; Orthodox non-profit organizations; social technologies; social service; Orthodox volunteering; social change; turbulence

Information for citation: Bogatova, O. A. (2026), “Orthodox social service in the region in turbulent times”, *Research Result. Sociology and Management*, 12 (3), 257-272. DOI: 10.18413/2408-9338-2026-12-3-1-6.

Введение (Introduction). Предметом исследования является социальное служение Русской православной церкви в регионе в условиях вызовов, созданных такими непредвиденными обстоятельствами в третьем десятилетии XXI в., как пандемия COVID-19 и специальная военная операция на Украине (СВО). Цель статьи заключается в характеристике форм и практик социального служения в новых условиях на примере

Саранской епархии Мордовской митрополии Русской православной церкви. Основываясь на сравнении результатов двух качественных социологических исследований, предпринятых в допандемийный период (2018-2019 гг.) и в 2026 г., автор ставит задачи характеристики структуры, форм организации и методов работы православных и ассоциированных с ними организаций и групп помощи с различными категориями благополучателей, а также основных тенденций их эволюции в период пандемии и СВО, выявления основных мотивов участников и организаторов социального служения, основных трудностей, с которыми они встречаются в новых условиях, социальных последствий их деятельности для регионального социума и самих акторов православной социальной помощи.

В современных отечественных и зарубежных социальных исследованиях социальное служение Русской православной церкви рассматривается, с одной стороны, в общем контексте исследования социальной деятельности конфессиональных и связанных с ними (faith-based) благотворительных организаций (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014; Mersianova, Schneider, 2018; Zigon, 2011), с другой – в контексте развития государственно-церковного партнерства в России (Benovska, 2020; Kollner, 2021; Schulte, Cook, 2020).

Как отмечает О. К. Шиманская, в России на фоне декларированной в Конституции светскости государства фактически реализуется кооперационная модель государственно-конфессиональных отношений (Шиманская, 2018: 139) с традиционными для России религиями в форме административных договоров с различными государственными учреждениями и ведомствами. Е. А. Кублицкая утверждает, что религиозные организации в современном российском обществе «объединяют людей на основе идеологических и мировоззренческих ценностей, которые уделяют значительную роль образовательной, благотворительной, культурной деятельности, способствующей консолидации общества» (Пандемия COVID-19, 2021: 94), подчеркивая, что установка на партнерство с государством включена в «Основы социальной концепции РПЦ».

Западные исследователи видят основное значение государственно-церковного партнерства с РПЦ в формировании современной российской идентичности за счет демонстрации единства ее религиозных, традиционных и культурных аспектов (Kollner, 2021: 88). Л. Кук и Д. Шульте полагают, что цели Церкви в этом партнерстве сводятся, во-первых, к поддержанию отношений сотрудничества как аналога традиционной «симфонии» с государством, во-вторых, – в восстановлении традиционного доминирования в культурной сфере, и в-третьих, – в утверждении в обществе практик благотворительности и милосердия (Schulte, Cook, 2020: 44). Вклад РПЦ в социальное обеспечение в России они считают небольшим, так как государство может действовать в этой сфере и без помощи религиозных организаций (Schulte, Cook, 2020: 50). М. Беновска, напротив, подчеркивает значимую роль воцерковленного меньшинства как в трансмиссии православной культуры и восстановлении православной идентичности, так и в традиционной для России церковной социальной работе и благотворительности (Benovska, 2020: 51), на примере православного сестричества имени Св. Вел. княгини Елисаветы Федоровны (Benovska, 2020: 77).

Ряд исследований посвящен этическим аспектам церковной социальной работы – производству желающих помогать и воспитанию личности «морального гражданина», ощущающего себя носителем собственной моральной миссии, по аналогии с другими христианскими конфессиями (Delehanty, 2023: 163-164). На эту миссию обращают внимание И. В. Забаев, Е. В. Пруцкова и К. В. Маркин, отмечая корреляцию между ростом социальных запросов на церковное социальное служение и одновременно на невмешательство религиозных организаций в политику во всероссийских социологических опросах (Забаев, Пруцкова, Маркин, 2022: 151). Дж. Зигон обращает внимание на то, что в современной России эта миссия реализуется в контексте взаимодействия различных религиозных и светских моральных норм в институциональной, общественной и личной жизни (Zigon, 2011: 12).

Ряд исследователей (Забаев, Пруцкова, Маркин, 2022; Mersianova, Schneider, 2018) относят к потенциальному резерву православной благотворительности две трети взрослого населения России, относящие себя к православным. При этом И. В. Забаев, Е. В. Пруцкова и К. В. Маркин задаются вопросом: «Не могут ли те же самые люди, которые предъявляют спрос на услуги и являются потребителями социальной помощи по одним направлениям, быть помощниками в деле оказания этой помощи по другим направлениям? Не окажется ли так, что потребители услуг и поставщики услуг – это, по большому счету, одни и те же люди?» (Забаев, Пруцкова, Маркин, 2022: 141).

Исследователи отмечают активизацию социальной деятельности РПЦ в период пандемии COVID-19 на фоне общего оживления волонтерской деятельности в экстремальной общественной ситуации (Лункин, 2021; Мерсиянова, 2021: 25). По оценке Р. Н. Лункина, «коронакризис раскрыл внутренний потенциал гражданской активности в РПЦ. Аналогичным образом пандемия спровоцировала рост волонтерской активности в околоцерковной и нецерковной среде» (Лункин, 2021: 557).

В научных публикациях, посвященных общественной деятельности Церкви в период СВО, подчеркиваются моральная поддержка ею действий российского государства и декларация Патриархом Кириллом «метафизического» аспекта военных действий, выделяются основные аспекты церковной социальной помощи участникам СВО, членам их семей и населению прифронтовых территорий (Маковский, 2025: 12-13), включая «организацию врачебной помощи, формирование групп добровольцев по уходу за ранеными и пострадавшими..., сбор гуманитарной помощи (Царёва, 2024: 246). В целом эта деятельность характеризуется как «новый аспект социально-политического партнерства между государством и религиозными организациями» (Маковский, 2025: 13).

Методология исследования и методы (Methodology and Methods). Методологической базой исследования послужили социологические подходы, основанные на парадигме феноменологической социологии А. Шюца, теориях секуляризации (Д. Воас, Й. Штольц, Х. Кокс) и постсекулярного общества (Ю. Хабермас) и методологические разработки отечественных (И. В. Забаев, Д. А. Орешина, Е. В. Пруцкова, К. В. Маркин, Р. Н. Лункин, И. В. Мерсиянова) и зарубежных (Дж. Зигон, Ф. Шнайдер) исследователей социального служения РПЦ, в которых выявляются особенности мотивации и описываются основные практики введения позиции социального работника на приходе, а также социальные условия ее успеха на макроуровне (общество в целом), мезоуровне (местное сообщество) и микроуровне (отношения внутри приходской общины).

Концепция постсекулярного общества Ю. Хабермаса заключается в констатации изменения в современном мире отношений светских и религиозных акторов при условии взаимной толерантности в сторону признания права религиозных сообществ артикулировать свою позицию по социальным проблемам и предпринимать действия для её реализации (Хабермас, 2002: 120). Эта ситуация в условиях, когда «тезис секуляризации» сохраняет свой эвристический потенциал (Stolz, 2020; Voas, 2020), была осмыслена рядом исследователей, в том числе Х. Коксом, определившим основную миссию христианства в секулярную эпоху в терминах керигмы (провозвестия), диаконии (социального служения в высоком смысле исцеления социальных недугов, а не предоставления услуг), койнонии (демонстрации в виде организации собственного сообщества природы и формы грядущего порядка) (Кокс, 1995: 131). Как будет показано в дальнейшем, эти черты действительно прослеживаются на уровне эмпирического исследования в организации и деятельности православных социально ориентированных организаций в регионах.

Методологической основой интерпретации данных исследования послужила качественная, или интерпретативная, социологическая парадигма, фокусирующаяся на субъективных смыслах социального действия, значениях жизненного мира индивидов как социальных агентов, исходя из установок, социальных представлений и паттернов поведения

их участников, исходя из тезиса о социальном происхождении и интерсубъективном содержании индивидуального опыта, тесно связанного с интерсубъективным миром культуры и разделяемого членами сообществ (Шюц, 2004: 178). В процессе концептуализации и интерпретации социального опыта представителей изучаемых групп используются категории, близкие к опыту социальных субъектов, ситуация описывается в терминах участников и затем анализируется при помощи конденсации смысла устных дискурсов и описаний с последующим переводом в исследовательские категории посредством тематического анализа.

Эмпирическую основу статьи составили результаты двух качественных социологических исследований православного социального служения в Мордовии: исследования «Социальные проекты Русской Православной Церкви», выполненного под руководством автора в 2018-2019 гг. при поддержке РФФИ в ряде регионов, включая Мордовию, и экспертного опроса, выполненного методом глубинного интервью в 2026 г. со священниками, представителями Саранской епархии, православными волонтерами и сотрудничающими с ними специалистами органов социальной защиты и благотворительных организаций.

В исследовании использовалась теоретическая выборка, репрезентирующая структуру изучаемой проблемной ситуации (Charmaz, 2006: 103) и в данном случае позволяющая описать и проанализировать социальные технологии и последствия православной социальной деятельности по различным направлениям воздействия на общество, развивающимся в регионах. В 2019 г. были проведены 3 интервью с экспертами – руководителями отделов Саранской епархии и членом Общественной палаты Республики Мордовия и 13 интервью с активистами православных общественных организаций и сотрудничающими с ними сотрудниками государственных учреждений и благотворительных НКО, в 2026 г. автором статьи – 10 интервью, в том числе 3 повторных.

Данные последнего экспертного опроса анализировались при помощи сравнительного метода и тематического анализа в дедуктивной логике (Charmaz, Thornberg, 2021: 310): на основе анализа и обобщения результатов глубинных интервью 2019 г. (Богатова, Долгаева, 2024) были разработаны темы, включенные в гайд повторного исследования и анализ данных интервью.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Структурная организация, основные направления и методы деятельности православных благотворительных организаций в Мордовии сформировались в начале XXI в. на базе молодежных отделов и отделов благотворительности и социального служения входящих в Мордовскую митрополию епархий, а также аффилированного с ней Союза православной молодежи Мордовии (СПММ). В городах и районах республики создавались группы помощи при приходах или благочиниях, что предполагало контроль со стороны руководителей СПММ и священников, как организационный, так и религиозный (в качестве духовников руководителей и, по возможности, членов благотворительных организаций и добровольческих групп). Особенностью православных благотворительных проектов в регионе всегда была установка на воцерковление их участников: *«Воцерковление. Многие в нашем проекте [в социальных сетях] отслеживают наши диалоги, периодически появляются. Потом их это интересует, они постоянно видят вот эту помощь. У них постепенно меняется мировоззрение. Они начинают втягиваться, и в итоге начинают помогать. Пусть не все сразу, пусть не на каждой акции, но периодически они «выстреливают». То есть люди меняются – это первое. Мы сейчас приобщаем их к церкви вот этими [паломническими] поездками максимально возможно»* (руководитель группы помощи, 2019).

В Мордовской митрополии сформировалось несколько основных взаимосвязанных направлений социального служения на основе, с одной стороны, разовых акций,

проводившихся СПММ («Теплое Рождество», «Собери ребенка в школу»), с другой – антиабортного движения, в котором активно участвовали православные активисты.

Понимание тяжелого материального положения значительного количества малодетных семей и матерей-одиночек сформировало такое направление работы с семьями, как материальная помощь продуктами, детскими вещами и одеждой с гуманитарных складов при храмах и партнерских НКО (благотворительный фонд «Сохраним жизнь», открытый в качестве филиала общероссийского движения «За жизнь» по благословению митрополита Зиновия, назначенного в 2014 г.; Центр поддержки граждан АНО «Благотворец», зарегистрированный в 2023 г.).

Необходимость в материальной помощи семьям с детьми была очевидной в Мордовии, представлявшей в XXI в. собой один из самых бедных и малонаселенных регионов Приволжского федерального округа, наряду с Марий Эл, с убывающим населением (в 2019–2026 гг. – менее 800 тыс. чел.). В ситуации, когда материальные и людские ресурсы добровольцев из СПММ крайне ограничены, для православного социального служения характерными стали такие особенности, как преимущественно не приходская, а волонтерская форма организации, многоцелевой характер деятельности групп помощи, краудфандинг, партнерство с благотворительными фондами, в том числе зарегистрированными в других регионах, и цифровизация как способ выявить и максимально эффективно использовать ограниченные ресурсы благотворительности.

В Саранской епархии в 2019 г. в качестве наиболее удачного проекта руководители отделов молодежного и социального служения охарактеризовали группу помощи «Доброделание», первоначально сформированную в 2008 г. из волонтеров СПММ, стремившихся помогать всем нуждающимся – бедным и неблагополучным семьям, женщинами девушкам, пострадавшим от семейного насилия, детям-сиротам, бездомным, престарелым и инвалидам. Группа получила второе рождение в качестве волонтерского онлайн-сообщества, когда ее возглавила молодая женщина с детьми, использовавшая свой личный опыт поиска и привлечения необходимых ресурсов через социальные сети: *«У нас есть «Доброделание» старое, как мы его называем, с 2008 года логотип. Новое – это у нас онлайн, это режим реального времени. Чем они отличаются, и как у нас появилось это «Доброделание онлайн». <...> Мы начинали с группы помощи гуманитарному складу. Мы смотрели в социальных сетях, где какие группы, «Отдам даром», например, смотрели, где какие вещи отдают, детскую одежду, коляски, кровати или мебель кризисным семьям. Мы переписывались, бронировали, или давали адреса и телефоны кризисным мамочкам, или старались сами как-то привозить на гуманитарный склад»* (руководитель группы помощи, 2019).

Столкнувшись с необходимостью рационального распоряжения имеющимися ресурсами, руководитель группы, как и руководитель БФ «Сохраним жизнь», наладили проверку нуждаемости потенциальных клиентов, включая предоставление справок о доходах, официальные запросы, направление потенциальных клиентов из Минздравсоцзащиты Республики Мордовия и реализацию совместных проектов с подведомственными ему учреждениями. Основой этого сотрудничества являлись административные договоры республиканских министерств и ведомств с епархиями, неоднократно заключавшиеся начиная с 1990-х гг.: *«С православной церковью, с социальным отделом, у нас заключён договор о совместной работе, где они у нас, в принципе, основное звено по оказанию материальной помощи, гуманитарной помощи в сборе одежды какой-то там по необходимости»* (сотрудник республиканского кризисного центра, 2019).

Таким образом, в 2010-е гг. православные организации стали рассматриваться правительством республики и его подведомственными учреждениями в качестве одного из важных операторов социальной помощи. Эксперты из числа специалистов по социальной помощи отмечали такие преимущества волонтерской деятельности, как бескорыстная

мотивация, энтузиазм и оперативность – способность очень быстро привлечь необходимые средства: *«У государства всё-таки есть какие-то планы свои и так далее. А вот люди, кто этим горит, они даже большие могут помочь, большие помощи могут оказать, чем государственные органы»* (сотрудник республиканского кризисного центра, 2019); *«В тот раз случай был – за 15 минут 8 или 9 тыс. собрали. Сразу надо было их отдать на операцию куда-то срочно. 15 минут! Человек там без зарплаты сидит, не знает на что купить хлеб или таблетки какие-то. А тут ему на операцию – раз! Просто сердца отозвались, и все, и решился вопрос! Оперативность у них меня просто поражает»* (начальник отдела по церковной благотворительности и социальному служению Саранской епархии, 2019).

Другое достоинство православных групп помощи, с точки зрения властей, заключалось в том, что они смогли обеспечить адресность помощи: *«Мы отправляем на адресную помощь только своих проверенных людей. Потому что люди разные»* (руководитель группы помощи, 2019). В регионе, где основной причиной бедности семей с детьми являлись низкие заработки, благотворители осознавали невозможность решения задач помощи «кризисным» родителям за счет местных ресурсов. Поэтому в изучаемый период было налажено сотрудничество с благотворительными организациями за пределами Мордовии, в частности, Фондом защиты семьи, материнства и детства «Радость моя» им. Св. Преподобного Серафима Саровского. По словам руководителя фонда, уроженца Мордовии А. В. Михеева, фонд содействовал повышению рождаемости различными способами, в том числе посредством организации регионального конкурса врачей и психологов, специализирующихся на доабортном консультировании, совместно с органами власти Мордовии: *«У нас достаточно успешное сотрудничество с Министерством здравоохранения. Я вот хотел ещё отметить, что у нас был совместный проект. Это был 2018-й год, когда мы проводили, совместно проводили конкурс. Назывался он «Право на жизнь». Цель этого конкурса – повысить процент отказа от прерывания беременности. Благотворительным фондом были учреждены несколько номинаций, несколько премий для женских консультаций и психологов, которые участвовали в этом конкурсе. Это конкурс республиканский, то есть участвовала вся республика, все женские консультации и психологи, которые в системе родовспоможения. И за период этого конкурса нужно было понизить процент отказа рождаемости и отказов от ребенка, соответственно. И участвовали лучшие консультанты, лучшие женские консультанты, там у нас были номинации и по социальной работе, среди там тоже просветительской работы. Их было где-то порядка 5-6, и там было несколько мест призовых. И у нас за этот период процент прерываний значительно сократился, в 1,7-2 раза»* (руководитель благотворительного фонда, 2026).

В период после 2018 г. и по настоящее время фонд продолжает оказывать помощь многодетным семьям и нуждающимся семьям с детьми в Мордовии наряду с просветительской деятельностью. В целом его работа носит системный и многопрофильный характер: *«Основные задачи, которые решает фонд – это помощь семьям, в том числе неполным семьям, которые оказались в сложной жизненной ситуации. Также это могут быть будущие мамочки, которые вот-вот могут родить, и бывает часто, что как раз вот в этот период им необходима помощь. <...> Вторым направлением является просветительская деятельность. Это организация различных мероприятий с молодёжью, это школы, вузы, СПО – приглашение лекторов, которые выступают по темам духовно-нравственного воспитания. <...> Третья деятельность – организация мероприятий для медицинского персонала. Мы можем проводить мероприятия, приглашать различных экспертов для выступления и обучения психологов в системе доабортного консультирования, в том числе и акушеров-гинекологов. И, естественно, адресная помощь семьям, которые оказались в сложной жизненной ситуации»* (руководитель благотворительного фонда, 2026).

К концу 2010-х гг. в регионе сформировалась вертикально интегрированная в рамках Мордовской митрополии сеть православных и аффилированных с ними благотворительных организаций и многоцелевых групп помощи, работающих с различными категориями благополучателей и связанных партнерскими отношениями с республиканскими министерствами и подведомственными им учреждениями, а также благотворителями за пределами республики. Наряду с неспециализированными сообществами волонтеров и приходскими общинами, в эту систему по настоящее время входят специализированные группы помощи (например, православное сестричество, группа помощи бездомным Саранской епархии) и благотворительные фонды.

Основными формами участия в социальном служении были личное участие (волонтерская помощь в уходе за больными, закупке и раздаче предметов первой необходимости и продуктов питания в благотворительных складах и на дому, помощь клиентам в ремонте жилья и по дому, уход за больными, инвалидами и престарелыми в медицинских учреждениях и на дому), сбор пожертвований, а со стороны не участвующих в волонтерской или организационной деятельности – денежные переводы на определенные цели или просто на помощь нуждающимся. Социальный состав групп помощи и сообществ волонтеров включал воцерковленное ядро из нескольких десятков активистов и координаторов, в то время как количество людей, подписанных на группы сообществ в социальных сетях и оказывавших им материальную помощь, исчислялось сотнями. Так, подписчиков сообщества «Доброделание» насчитывалось более 350, в том числе 10-20 «человек в локомотиве» (руководитель группы помощи, 2019).

В период пандемии COVID-19 и последующие годы эта сеть подверглась серьезным испытаниям на прочность. В период пандемии православные волонтеры активно участвовали в государственной социальной акции «Мы вместе», но их деятельность оказалась затруднена из-за ограничительных мер и опасений клиентов: *«Был период пандемии, когда и на улице там тебя спрашивали, куда вы идете, зачем, для чего. Но мы были с волонтерами «Мы вместе», такой проект государственный, развозили продуктовые наборы, они от государства были выделены малообеспеченным, а соцзащита давала контакты граждан, их адреса, разделяла между волонтерами. И вот мы посещали бабушек, дедушек. <...> Нам не открывали двери, очень боялись. Бывало так, некоторые просили у двери оставить продукты, а нам нужно было, чтобы человек все-таки как-то зафиксировал, что получил»* (Саранская епархия, начальник отдела молодежного служения, 2026).

Можно отметить, что в период пандемии в регионе отмечались тенденции, аналогичные общероссийским, а именно приток волонтеров (Мерсиянова, 2021) и ускорение цифровой трансформации их деятельности («Чёрный лебедь» в белой маске, 2021: 118). По словам руководителя православного сестричества, которая занималась волонтерской помощью в этот период, *«мы не собирались вместе, но, тем не менее, вот эти короткие встречи, там, забрать кого-то, перевезти какую-то помощь, это все было, мы искали, мы научились работать онлайн. Спасибо пандемии, мы всему этому обучились. Собрания онлайн, звонки общие онлайн. Научились планировать, как бы не собираясь. И до сих пор это нам пригождается»* (руководитель православного сестричества, 2026).

Эксперты, говоря о пандемийной ситуации, отмечали, что она и одновременно «разобщила» и «объединила» волонтеров, усилив взаимодействие между различными сообществами: *«Был приток волонтеров, которые хотели шить эти маски. Да, у нас «Серебряные волонтеры» есть. И они изъявили желание, говорят: «Мы хотим хоть чем-нибудь помочь, вот хотим шить маски», – потому что масок тогда не было в аптеках, они нам нашили, у меня до сих пор дома даже они лежат так с любовью, красиво, аккуратненько из марлечек нашили. Да, было, и все как-то это объединило нас»* (руководитель группы помощи, 2026).

Как отмечают эксперты, пандемия заставила внести изменения в методы работы с клиентами, впоследствии закрепившиеся. После окончания пандемии волонтеры

продолжили развозить приготовленную еду пожилым людям на дом, а клиентам центра ночного пребывания – доставлять в специальных контейнерах и флягах: *«Именно в это время заключили договоры и соглашения нашего сотрудничества со всеми больницами и уже на таком законном основании заходили и несли своё служение больным людям. До сих пор эти соглашения, они бессрочные, действуют. Потом у нас за каждой больницей закреплён ответственный батюшка, который занимается окормлением этой больницы. И это тоже такое одно из новшеств во время пандемии. И сейчас это всё продолжает действовать. Создалось больничное благочиние»* (начальник отдела по церковной благотворительности и социальному служению, 2026); *«Мы и раньше в термосах приносили, но мы внутрь заходили, и мы наливали, сами разливали до пандемии. А когда началась пандемия, мы уже оставляли у дверей, на крылечках оставляли, пустые забирали»* (настоятель храма, 2026).

Кроме того, по оценкам экспертов, ухудшение экономической ситуации в стране в период пандемии и СВО негативно повлияло на материальное положение подопечных и спонсоров: *«Были спонсоры из Москвы, которые нам раньше прямо очень много отправляли подарков новогодних детских. А сейчас они прямо, ну грубо говоря, там 50 штук отправляют. Не то что бросили вот это направление, но как-то урезали очень сильно. А детей у нас достаточно. У нас... 699 сейчас семей на учёте. То есть семьи растут, вот это количество, которое на учёте. Соответственно, в них дети, не по одному ребенку. У некоторых 5 детей, допустим, 6. Но мы теперь на такие праздники покупаем подарки по одному подарку на семью»* (начальник отдела молодёжного служения, 2026).

Руководитель благотворительного фонда также отметил ухудшение положения подопечных семей с детьми и высказал мнение о необходимости их государственной поддержки, в том числе в виде создания рабочих мест: *«Сейчас многие люди оказались у разбитого корыта. Это в первую очередь те, у кого многодетные семьи и неполные семьи. Это те, у которых и когда-то до пандемии не было денег особо на воспитание, не то чтобы воспитание, на то, чтобы содержать семью. А сейчас, в связи с кратным ростом цен на некоторые продукты, вещи и так далее, стало просто значительно сложнее этим людям выживать. И здесь, конечно, поддержка государства в первую очередь должна работать, потому что такие фонды, как мы, не имея какого-то регулярного финансирования, мы просто не сможем поддерживать эти семьи регулярно и в нужном объёме. И, конечно, создание рабочих мест для таких родителей, у которых не получится всё-таки работать на полный рабочий день. И здесь, конечно, вот какой-то гибридный график, какие-то варианты работы, удалённые варианты работы, они бы были бы очень востребованы»* (руководитель благотворительного фонда, 2026).

В последние годы актуализировались также проблемы цифровой коммуникации, так как перебои с мобильным интернетом затрудняют отправку пожертвований. Кроме того, часть подписчиков групп помощи не перешла в российский мессенджер в том числе по причинам, связанным с конфиденциальностью: *«Люди ушли с WhatsApp в Telegram, потом они ушли все с Telegram в МАХ»* (начальник отдела молодёжного служения, 2026); *«У нас в диалоге в Telegram было около 100 человек. Последний раз вот, когда вот мы вот это всё перед этим ковидом, было 85. Сейчас мы тоже будем восстанавливать диалог. <...> МАХ меня не очень устраивает, потому что в отличие от Telegram и – забыла, как называется, Viber, там были группы, узкие группы. То есть в МАХ любой может добавиться»* (руководитель благотворительной АНО).

Несмотря на это, численность волонтеров и жертвователей за период с 2019 г., не только не уменьшилась, но и возросла. Сохраняется структура, состоящая из немногочисленного воцерковленного ядра волонтеров и координаторов и менее вовлеченных благотворителей, оказывающих регулярную или периодическую, денежную или натуральную помощь: *«Р. Численность волонтеров? У нас есть группа актива, она сейчас перенеслась в МАХ. Сейчас там перенеслось порядка 50 человек. Было 100, но кто-то не*

скачал МАХ. Актив «Доброделания» – 51 человек. Здесь вот я просьбы пишу. Они откликаются, кто туда может сходить, кто к этой бабушке, кто к той бабушке. В общем, любые просьбы. Ну, так активно, скажем честно, работают прямо активно человек 15-20. И. А жертвуют деньги сколько примерно человек? Р. Очень много. У нас в ВКонтакте подписчиков 5700. Даже не могу сказать точное количество. Каждый день деньги приходят. У нас и деятельность каждый день ведется. В группе отражается, ну, практически ежедневно я пишу отчет» (руководитель группы помощи, 2026).

В последние годы, как отмечают эксперты, приток волонтеров продолжается, нередко из бывших подопечных, жертвователей или просто людей, заинтересовавшихся православной благотворительностью. Костяк групп помощи сформировался в допандемийный период, но происходит постоянная ротация волонтеров и активистов. В их числе – люди разного пола и возраста, большинство – женщины в возрасте 35-55 лет. Мужчины составляют большую часть новой партнерской организации – «Русской общины Мордовии». Увеличился также объем натуральных и денежных благотворительных сборов крупнейшей в республике группы помощи «Доброделание» по сравнению с допандемийным периодом, когда «рекордная» сумма, собранная за месяц, составляла 100 тыс. рублей: «По моим расчётам, инфляция у нас процентов 50 была за этот период, с начала СВО. Ну, точно всё на 50% повысилось в цене. У нас за прошлый год было на 5 млн. сборов. Но это люди, которые просто жертвуют, люди, не организации. Обычные люди переводят. Допустим, вот снегом поломало крыши у двух семей в Рузаевском районе в этом году. И в марте им собрали 50 тыс. Это деньги, которые вот люди накидали, они отправляют, подписывают, для кого это. И деньги тут же переводятся этим людям» (начальник отдела молодежного служения, 2026).

Состав православных НКО в Мордовии, включая Саранскую епархию, нестабилен. Вновь созданные благотворительные организации, например, многофункциональная АНО «Благотворец», созданная бывшим руководителем группы «Доброделание», сохранившим личные контакты с социальным отделом епархии, сталкиваются с серьезными проблемами в виде дефицита средств на оплату аренды помещения и доверия. Некоторые организации, например, молодежный клуб «Феникс», в постпандемийный период прекращают деятельность из-за выбывания активных членов, некоторые ее возобновляют в новом формате, например, православное сестричество, воссозданное в 2025 г.: «Мы образовались в ноябре 2025 г. <...> На данный момент у нас более 40 женщин, которые получили диплом, аттестат младшей медицинской сестры по уходу. Прошли обучение. До нас также были сестры, которые занимались этим же служением. Но по стечению обстоятельств их группа распалась. Уехал руководитель. А мы теперь с радостью возобновляем это направление. <...> Служение наше проходит в основном сейчас пока только по лечебным учреждениям. Планируется также еще патронаж на дому, но пока мы этим не занимаемся. Сестры наши также будут обучены как раз патронажу» (участница православного сестричества, 2026).

В данный момент, по информации экспертов, из 40 женщин, закончивших обучение, с больными работают только 12 в возрасте от 16 до 70 лет, прошедших посвящение в сестры милосердия. Основное различие с предыдущим составом сестричества, который полностью сменился, заключается в том, что сестры не рассматриваются в качестве волонтеров: они дают христианский обет бескорыстной помощи больным, в том числе в качестве патронажа, после чего считают своим долгом выполнять его до конца жизни. В настоящее время они посвящают пациентам больниц по скользящему графику – не менее 1-2 раз в неделю по несколько часов.

Как отмечает Т. В. Царева, упомянутая программа обучения младшего медицинского персонала «Младшая медицинская сестра/медбрат по уходу за больными», реализуемая с 2022 г. на базе больницы Св. Алексия в Москве, изначально предназначалась для

волонтеров, желающих вахтовым методом посещать медицинские учреждения ДНР и ЛНР и оказывать необходимую помощь раненым (Царева, 2024: 246). Однако саранское сестричество в данный момент выполняет другую функцию, восполняя дефицит младшего медперсонала в больницах, актуальный задолго до СВО: *«В основном наши пациенты – это люди, у которых нет родственников. Или, например, они там, где-то, находятся в районах, предположим. Или же люди, которые не в состоянии нанять сиделку профессиональную. <...> Они оказались в сложной жизненной ситуации. И тут приходят на помощь сестры милосердия. Этим пациентов нам рекомендуют сотрудники данных медицинских учреждений. <...> Пациенты благодарны, сотрудники больницы тоже очень ждут нас к себе. В общем, есть к чему стремиться»* (участница сестричества, 2026).

Как отмечает руководитель группы «Доброделание», жертвователи – люди по материальному положению *«совершенно разные, от бабушек, которые 100 руб. переводят, 200, до крупных предпринимателей, которые могут 30 000 скинуть. Недавно пришёл мужчина на склад, просто принёс 50 000. Девчонки спрашивают: «За кого помолиться? Может, имена?».* – *«Ничего не надо».* – *«Ну, Вас хотя бы как зовут?»* – *они ему вслед кричат. – «Андрей», – и ушёл быстренько. – «Я, – говорит, – просто перевести не смог, там какая-то проблема».* *Есть у меня в «Русской общине» тоже предприниматель один, Стас. Он говорит: «Вообще любые какие-то просьбы детские, сирот там, интернатов, ты мне сразу звони. Не пиши никуда, ничего, я говорю».* – *Это у него сын когда-то погиб. И он вот говорит: «Детям вообще всё, что угодно».* – *Может и 20 000 дать. Есть жена одного из правительства, которая тоже, мы с ней подруги, говорит: «Тебе, когда надо, звони, ты мне почаще, чего надо-то? Ты мне звони, сразу говори. Я буду это оплачивать там, допустим, поездку на лечение там надо, на билет, – конечно, сейчас переведу».* – *Ну, всякие люди есть, абсолютно разные. И бабушки, и такие богатые люди, и предприниматели, и люди абсолютно из разных слоёв общества»* (руководитель группы помощи, 2026).

Как можно заключить, успех церковных благотворительных проектов зависит как от личного социального капитала их участников (знакомые и друзья), так и от репутации таких сообществ и их партнеров. За период наблюдений сети сотрудничества православных благотворительных организаций и групп помощи расширились за счет Z-сообществ и «Русской общины Мордовии». Возобновилась работа по арт-терапии детей-инвалидов, начатая в рамках поддержанного в 2018 г. президентским грантом проекта «Счастливый день». Волонтеры продолжают сотрудничество с благотворительными фондами «Сохраним жизнь», «Радость моя», НКО «Особые дети», сестричеством, социальными и медицинскими учреждениями, в том числе с целью обмена информацией о клиентах.

Среди мотивов участия в благотворительности эксперты выделяли соответствующие как внутренним религиозным побуждениям (бескорыстная помощь ближнему во исполнение христианских заповедей), так и внешним (потребность в признании, налоговых льготах, связанных с благотворительной деятельностью, общении). Один из опрошенных священников отметил, что для желающих помогать важны обе группы мотивов: *«Есть люди, которые делают от чистого сердца, даже, бывает, тайно хотят это сделать. А есть люди, которые делают, чтобы их похвалили. У них есть тщеславие, есть грех, как говорится, тщеславие, чтобы похвалили. Вот человек верующий, он читает Евангелие. В Евангелии прочитал, что Господь говорит ему: «Будьте милосердны, как милосерден Отец ваш Небесный». То есть милосердие – это одна из самых главных добродетелей человека. Господь Бог помогал всем, мои ученики должны тоже помогать. Это нормально, по-христиански. Есть, конечно, не по-христиански. Как говорится, есть человек просто добрый, а бывает человек тщеславный, помогает, чтобы его заметили, похвалили, там, наградили и так далее, и тому подобное. Каждый свою стезю выбирает»* (настоятель храма, 2026).

Эксперты выделяют потребность в общении в качестве одного из мотивов, благодаря которому бывшие клиенты становятся волонтерами, оценивая его как один из основных источников пополнения сообщества: *«Я заметила, что многие приходят для общения. Не настолько вот последнее время не то, что вот за этими вещами, за какой-то помощью, просто для общения. И это самое важное для людей. Вот у нас есть инвалид тоже программист. Недавно у нас появился мужчина одинокий. Ему важно быть нужным. Желание быть нужным кому-то, нужным и полезным. Вот это основное, что, скорее всего, движет людьми. Вначале любопытство, возможно, желание помочь»* (руководитель благотворительной АНО, 2026).

Аналогичную тенденцию к превращению бывших клиентов в участников благотворительной деятельности отмечают организаторы социального служения от Саранской епархии. Таким образом, один из важнейших социальных эффектов православного социального служения, как ранее отмечалось исследователями, заключается в формировании сообществ желающих помогать из числа бывших подопечных и распространении просоциальных ценностей: *«Волонтеры, они, во-первых, смотрят объявления, где-то видят про нашу деятельность и присоединяются. Но часто ещё присоединяются сейчас те люди, которые были нуждающимися когда-то. И когда они из своей ситуации выходят, то они говорят: «А мы хотели бы помочь». И для нас это очень ценно. У нас сейчас вот появились такие волонтеры, которые хотели бы помочь, а раньше были подопечные»* (начальник отдела молодёжного служения, 2026).

Новым направлением православного социального служения, которое в республике возглавил митрополит Мордовский Зиновий, уроженец г. Славянска Донецкой области, стала помощь участникам СВО и членам их семей. Ею занимались как обычные группы помощи и приходские общины, так и специализированные сообщества. И те, и другие помогают мобилизованным, закупают за счет пожертвований гуманитарную помощь и отправляют ее на фронт: *«Вначале мы вообще очень активно помогали. Было указание владыки, собирали, отправляли большой груз, там не только мы, вообще по всем храмам собирали. Мы закупаем дождевики, термобельё, балаклавы, перчатки тактические. Всё закупаем, привозили нам девочки наши – садоводы, здесь мы закупаем в магазинах спальные мешки, в общем, всё это. И потом мы, так как появилось много групп в Саранске, которые только СВО занимаются, перешли на индивидуальную помощь. Допустим, какой-то воин собирается, воин, который из детского дома, вот его собирают»* (руководитель группы помощи, 2026); *«У нас появились [знакомые] ребята, которые сами готовы приезжать за гуманитаркой. Есть люди, которые сюда приезжают в командировку по тем или иным причинам по своим делам с линии соприкосновения. И затем они забирают по своей заявке. <...> Мы уже знаем этих ребят, мы со многими знакомы лично. Многие ребята сюда приходят и благодарят, и плачем вместе с ними. <...> И мы сейчас в основном плетем маскировочные сети, делаем окопные свечи зимой в зимний период. И занимаемся закупкой генераторов, такое вот оборудование <...> Инструменты, стройматериалы, генераторы»* (координатор Z-сообщества, 2026).

Впоследствии неспециализированные волонтерские сообщества сосредоточили свою деятельность на помощи членам семей участников СВО и населению прифронтовых регионов: *«Семьям СВОшным, допустим, мама одна осталась, огород некому вскопать, мама старенькая сына проводила своего. Или ещё там тоже мама у нас одна, она до сих пор сейчас вот тут погиб сын. Совсем плохая она стала. К ней ходят все, и собор Казанский тоже девочки ходят [сестричество], и соцработники ходят, и мы ходим, в общем, не оставляем таких людей. И сейчас вот сейчас наша волонтер Мира едет с Патриаршей миссией в Белгород помогать там людям, которые престарелые, колясочники, лежащие, инвалиды. Сейчас вот мы собираем памперсы, салфетки, пелёнки. Заказала я и фонарики с пауэрбанками»* (руководитель группы помощи, 2026).

Целый ряд приходов и другие православные религиозные организации предоставили помещения для волонтеров, изготавливающих маскировочные сети и окопные свечи. У опрошенного священника сформировалась партнерская сеть из предпринимателей, жертвующих на помощь фронту: *«Р. Когда началась спецоперация, у нас приход ещё ко всему прочему подключился и помощь военным, которые там находятся. В первые время очень были востребованы куплены свечи. И мы прямо тоннами, не то, что там поштучно, 10-20 тыс. шт., а реально мы им помогали, реально мы закупали воск тоннами и здесь заливали. Потом, мы плетём маскировочные сети, готовим сухие супы. <...> Ну, здесь вот сетями все прихожане занимаются. И. А продукты жертвует кто? И. Продукты – абсолютно разные люди. Здесь, в Саранске вот, жертвуют продукты. Сёла как раз жертвуют продукты сельхоззначения, как картошку, морковку, лук, капусту, свёклу. <...> Люди целевые пожертвования делают. То есть мы их ни на что другое не можем потратить. Приобретение, допустим, мяса куриного. Это для сухих супов, борщей. На приобретение спанбонда для плетения сетей. На сладости, средства гигиены»* (настоятель храма, 2026).

Z-сообщества вписались в региональную сеть благотворительности на основе личных связей их основателей и преданности участников. Эксперты утверждали, что в помощи участникам СВО принимают участие только добровольцы, т.к. представители власти не располагают средствами для принуждения к финансовой помощи или личному участию в ней. Как отметил один из опрошенных, в его приходе в течение полутора месяцев было собрано около 176 тыс. руб. пожертвований на помощь фронту: *«Администрация района тоже людскими ресурсами не располагает, они просят предпринимателей, обзванивают и т.д., но у них каких-то финансовых, к сожалению, ресурсов. Людские – да, они просят. Но раньше ведь глава мог бы, а сейчас только может уговаривать, ублажать предпринимателей. <...> Кстати, вот техникум, они к нам приходили, приходят, и оттуда им передало благодарности командование части, куда мы отправляем [сети]. <...> Как-то ко мне подошёл ученик, дает мне 1 000 рублей: «Батюшка, вот это бабушка передала». – «А чего она куда передала?» – «Она сказала: на СВО». – То есть он пришёл домой, рассказал дома, чем занимается, и бабушка 1 000 руб. отдала: «Иди, внучок, отнеси на СВО»* (настоятель храма).

В то же время эксперты отмечали ее сокращение, объясняя его усталостью от войны и ухудшением финансового положения предпринимателей, и сожалели об отсутствии программ мобилизации тыла: *«Вот видите, первые годы людей больше приходило [плести сети]. Вот сейчас как вот задор как бы пал немножко у людей. Как бы все подустали. Но ведь не объяснишь там солдатам, которые что-то ждут ещё. Ну, устали тут, а там как люди устали. А так в целом-то немножко, да, вот чуть-чуть пошло на убыль, в общем»* (настоятель храма).

В настоящее время основным источником пожертвований для Z-сообществ, как отмечают эксперты, являются обычные люди – как воцерковленные, так и невоцерковленные и вообще неверующие. Трудность заключается как в относительной малочисленности членов таких сообществ, так и в том, что большинство из них – представители старших поколений, переживших травму распада СССР и действующих в первую очередь из патриотических побуждений, апеллируя к советскому опыту: *«Много есть воцерковленных людей, много тех, которые просто даже в храм не идут на службу. Просто им хочется помогать фронту. Вот как во время Великой Отечественной войны люди помогали, вот так сейчас. Они сплотились именно на одной идее – помощи фронту. <...> У кого-то ребенок погиб, сын. Кто-то просто сочувствует, кто-то – патриот своей страны. У меня одноклассница есть, она периодически помогает хорошими суммами, 5-10 тыс. Для Саранска это достаточно весомая сумма. И она раз в месяц дает пожертвование просто потому, что она любит Россию и хочет победы»* (координатор Z-сообщества, 2026).

Заключение (Conclusions). На основании сравнения результатов двух экспертных опросов в Мордовии можно увидеть пример того, как сформировавшаяся во втором десятилетии XXI в. региональная сеть православных благотворительных НКО и групп добровольцев доказала свою жизнеспособность, столкнувшись с угрозами социальной стабильности. Перед вызовом пандемии ее акторы продолжили сотрудничество с государственными социальными учреждениями и закрепили ее институциональные условия в форме договоров, увеличили количество своих приверженцев и объемы благотворительной помощи, а впоследствии – расширили число направлений деятельности за счет помощи участникам СВО и жителям прифронтовых территорий. Социальные последствия православного социального служения включают формирование сообществ желающих помогать из числа бывших подопечных и распространение просоциальных ценностей. Обеспокоенность экспертов вызывает низкая социальная активность населения, так как в регулярном сборе пожертвований и волонтерской помощи участвует несколько процентов взрослых. Отмечаются также относительная усталость общества, снижение финансовых возможностей спонсоров, в ряде случаев – дефицит понимания и доверия. Эксперты подчеркивают необходимость сохранения и увеличения масштабов помощи традиционно зависящих от нее категорий населения, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе бедных и многодетных семей.

Список литературы

- Богатова О. А., Долгаева Е. И. Социальная деятельность православных социально ориентированных организаций и добровольческих групп в регионе: структура и цели // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 1. С. 165-176. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-2. EDN: DIAFSI.
- Забаев И. В., Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Церковная социальная работа глазами россиян и социальных работников Русской Православной Церкви // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 139-153. DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139. EDN IWBBAG.
- Забаев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально-сетевого анализа // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32, № 1. С. 40-66. EDN: SBNPHF.
- Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. Москва: Восточная литература, 1995. 263 с.
- Лункин Р. Н. Социально-политические последствия пандемии для Русской православной церкви: раскрытие внутреннего потенциала гражданской активности и социального служения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 4. С. 547-558. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558. EDN: UNJVXF.
- Маковский А. А. Духовный фронт: позиция Русской православной церкви в вопросах специальной военной операции // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 6-16. DOI: 10.26516/2073-3380.2025.51.6. EDN: YEYJTC.
- Мерсиянова И. В. Гражданское участие во время пандемии COVID-19 // Социодиггер. 2021. Т. 2, № 3 (8) С. 16-26. EDN: JAYSOX.
- Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: [монография]. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2021. 248 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021. EDN: HWMFZB.
- Пруцкова Е. В., Забаев И. В., Маркин К. В. Социальный капитал и религиозность в России: анализ с позиции «донора» и «реципиента» // Научный результат. Социология и управление. 2022. /Т. 8, № 2. С. 39-59. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4. EDN: IBAXVX.
- Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Москва: Издательство «Весь Мир», 2002. 144 с. ISBN: 5-7777-0171-X.
- Царёва Т. В. Церковь в войне и мире: социальная и патриотическая деятельность Русской Православной Церкви во время проведения специальной военной операции // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 243-254. DOI: 10.47132/1814-5574_2024_3_243. EDN: NVXHXX.
- Шиманская О. К. Проблема социального партнерства государства и религиозных организаций в условиях многоконфессиональности и толерантности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2018. № 3-2. С. 133-143. EDN: YTASPR.

Шюц А. Избранное: Мир, святящийся смыслом. Москва: РОССПЭН, 2004. 1056 с. ISBN: 5-8243-0513-7.

«Черный лебедь» в белой маске. Аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 336 с. ISBN 978-5-7598-2259-2 (e-book). DOI: 10.17323/978-5-7598-2500-5.

Benovska M. *Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests*. London, New York: Routledge, 2020. 204 p. DOI: 10.4324/9781003035473.

Charmaz K. *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2006. 224 p.

Charmaz K., Thornberg R. The pursuit of quality in grounded theory. *Qualitative Research in Psychology*, 2021. 18:3, 305-327. DOI: 10.1080/14780887.2020.1780357.

Delehanty J. *Making Moral Citizens: How Faith-Based Organizers Use Vocation for Public Action*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2023. 222 p. DOI: 10.1353/book.111006.

Kollner T. *Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority*. London, New York: Routledge, 2021. 179 p. DOI: 10.4324/9780429424632.

Mersianova I. V., Schneider F. A. Russian Faith Matters: Religiosity and Civil Society in the Russian Federation. *Sociology of Religion: A Quarterly Review*. 2018. Vol. 79. № 4. Pp. 495-519. DOI: 10.1093/socrel/sry014.

Schulte D., Cook L. Faith-based Welfare Provision in Russia // M. Glatzer and P. C. Manuel (eds.), *Faith-Based Organizations and Social Welfare*, Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-44707-6_3.

Stolz J. Secularization Theories in the Twenty-First Century: Ideas, Evidence, and Problems. Presidential Address – Karel Dobbelaere Conference // *Social Compass*. 2020. № 67(2). Pp. 282-308. DOI: 10.1177/0037768620917320.

Voas D. Is the Secularization Research Programme Progressing? Debate on Jörg Stolz's Article on Secularization Theories in the 21st Century: Ideas, Evidence, and Problems // *Social Compass*. 2020. № 67 (2). Pp. 323-329. DOI: 10.1177/0037768620917329.

Zigon J.(ed.) *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*. New York – Oxford: Berghahn Books, 2011. 246 p. DOI: 10.1515/9780857452108.

References

Bogatova, O. A. Dolgaeva, E. I. (2024), "The social activities of Orthodox, socially oriented organisations and voluntary groups in the region: their structures and purposes.", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (1), 165-176, DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-1-1-2, EDN: DIAFSI. (In Russian)

Zabaev, I. V., Prutskova, E. V., Markin, K. V. (2022), "Church Social Work from the Point of View of Russians and Social Workers of the Russian Orthodox Church", *Khristianskoye Chteniye*, (3), 139-153, DOI: 10.47132/1814-5574_2022_3_139, EDN: IWBBAG. (In Russian)

Zabaev, I. V., Oreshina, D. A., Prutskova, E. V. (2014), "Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis", *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 32 (1), 40-66, EDN: SBNPHF. (In Russian)

Cox, H. (1995), *Mirskoy grad: Sekulyarizatsiya i urbanizatsiya v teologicheskom aspekte* [The Secular City: Secularization and Urbanization in the Theological Perspective], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia, ISBN: 5-02-017847-0. (In Russian)

Lunkin, R. N. (2020), "Social and Political Consequences of the Pandemic for the Russian Orthodox Church", *RUDN Journal of Political Science*, 22 (4), 547-558, DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-547-558, EDN: UNJVXF. (In Russian)

Makovsky, A. A. (2025), "The Spiritual Front: The Position of the Russian Orthodox Church on the Issues of the Special Military Operation", *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 51, 6-16, DOI: 10.26516/2073-3380.2025.51.6, EDN: YEYJTC. (In Russian)

Mersianova, I. V. (2021), "Civic Participation during the COVID-19 Pandemic", *Sociodigger*, 2 (3), 16-26, EDN: JAYSOX. (In Russian)

Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodeystvie: [monografiya] [The COVID-19 pandemic: Challenges, Consequences, and Counteraction: [Monograph]] (2021), Aspect Press, Moscow, Russia, DOI: 10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021, EDN: HWMFZB. (In Russian)

Prutskova, E. V., Zabaev, I. V., Markin, K. V. (2022), “Social capital and religiosity in Russia: Analysis from the “donor” and “recipient” perspective”, *Research Result. Sociology and management*, 8 (2), 39-59, DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-4, EDN: IBAXVX. (In Russian)

Habermas, J. (2002), *Budushhee chelovecheskoy prirody`* [The Future of Human nature], Ves' Mir, Moscow, Russia, ISBN: 5-7777-0171-X. (In Russian)

Tsareva, T. V. (2024), “The Church in War and Peace: The Social and Patriotic Activities of the Russian Orthodox Church During the Special Military Operation”, *Khristianskoye Chteniyе*, (3), 243-254, DOI: 10.47132/1814-5574_2024_3_243, EDN: NVXHXX. (In Russian)

Shimanskaya, O. K. (2018), “The Problem of Social Partnership between the State and Religious Organizations in the Conditions of Multiconfessionality and Tolerance”, *Bulletin of A.S. Pushkin Leningrad State University*, (3-2), 133-143, EDN: YTASPR (In Russian)

Schutz, A. (2004), *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: The World Glowing with Meaning], ROSSPEN, Moscow, Russia, ISBN: 5-8243-0513-7. (In Russian)

“Cherny lebed” v beloy maske. Analiticheskiy doklad NIU VShE k godovshchine pandemii COVID-19” [The “Black Swan” in a White Mask. Analytical report of the Higher School of Economics on the anniversary of the COVID-19 pandemic] (2021), Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia, ISBN: 978-5-7598-2259-2 (e-book), DOI: 10.17323/978-5-7598-2500-5. (In Russian)

Benovska, M. (2020), *Orthodox Revivalism in Russia: Driving Forces and Moral Quests*, London, New York: Routledge, DOI: 10.4324/9781003035473.

Charmaz, K. (2006), *Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis*, London, Thousand Oaks, SAGE Publications, New Delhi.

Charmaz, K., Thornberg, R. (2021), The pursuit of quality in grounded theory, *Qualitative Research in Psychology*, 18:3, 305-327, DOI: 10.1080/14780887.2020.1780357.

Delehanty, J. (2023), *Making Moral Citizens: How Faith-Based Organizers Use Vocation for Public Action*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill, DOI: 10.1353/book.111006.

Kollner, T. (2021), *Religion and Politics in Contemporary Russia: Beyond the Binary of Power and Authority*, Routledge, London, New York, DOI: 10.4324/9780429424632.

Mersianova, I. V., Schneider, F. A. (2018), “Russian Faith Matters: Religiosity and Civil Society in the Russian Federation”, *Sociology of Religion: A Quarterly Review*, 79 (4), 495-519, DOI: 10.1093/socrel/sry014.

Schulte, D., Cook, L. (2020), “Faith-based Welfare Provision in Russia”, *Faith-Based Organizations and Social Welfare, Palgrave Studies in Religion, Politics, and Policy*, eds. by M. Glatzer and P. C. Manuel, Palgrave Macmillan, Cham, DOI: 10.1007/978-3-030-44707-6_3.

Stolz, J. (2020), “Secularization Theories in the Twenty-First Century: Ideas, Evidence, and Problems. Presidential Address – Karel Dobbelaere Conference”, *Social Compass*, 67 (2), 282-308, DOI: 10.1177/0037768620917320.

Voas, D. (2020), “Is the Secularization Research Programme Progressing? Debate on Jörg Stolz’s Article on Secularization Theories in the 21st Century: Ideas, Evidence, and Problems”, *Social Compass*, 67 (2), 323-329, DOI: 10.1177/0037768620917329.

Zigon, J. (2011), *Multiple Moralities and Religions in Post-Soviet Russia*, Berghahn Books, New York–Oxford, DOI: 10.1515/9780857452108.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2026 г. Поступила после доработки 31 мая 2026 г. Принята к печати 01 июня 2026 г.

Received 12 April 2026. Revised 31 May 2026. Accepted 01 June 2026.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Богатова Ольга Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия.

Bogatova Olga Anatolievna, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Work, Ogarev National Research Mordovia State University, Saransk, Russia.